

Тяжела жизнь мужа без гроша в кармане

Уладив дела с лавочником Лу касательно сборника задач, Чу Цы почувствовал, как тяжкий камень свалился с его души. Вернувшись в поместье Чжан, он застал Чжан Вэньхая за книгами — тот так усердно зубрил, что время от времени принимался разминать затекшую шею. Увидев это, юноша вспомнил об одном данном обещании.

Раз уж он пообещал обучить друга гимнастике «Уцинъси», то не стоило нарушать слово. Чу Цы велел Вэньхаю встать с первыми петухами и прийти к нему во двор.

Как говорится: «При свете ламп в третью стражу и под крик петуха в пятую — самое время для учения». Для прилежного ученика встать в такую рань не составило труда. А вот Чу Цы, когда в его дверь постучали, открыл её, сладко потягиваясь и всю зевая.

— Ты зачем так вырядился? Снимай всё это, живо.

Юноша окинул друга недоумённым взглядом: на Чжан Вэньхае было надето несколько слоёв ватной одежды, сверху наброшена тяжёлая шуба из лисьего меха, а в руках он сжимал маленькую грелку.

— Но... на улице ведь стужа пробирает до костей. Если я сниму всё это и меня обдаст холодным ветром, как бы не занедужить? — Вэньхай явно не горел желанием разоблачаться.

— Так ты собираешься учиться или нет? — Чу Цы строго нахмурился. — Эта гимнастика называется «Уцинъси» — Игры пяти зверей, она укрепляет тело и дух. Когда начнёшь двигаться, внутри зародится жар, который выгонит пот. Если на тебе будет столько тряпья, поту некуда будет деться, вот тогда ты точно простудишься.

Он говорил с таким поучающим видом, что собеседник тут же спасовал и начал торопливо стягивать с себя лишнее, пока не остался в одной нижней рубахе.

— Э-э, ну настолько раздеваться тоже не стоит. Накинь хотя бы это верхнее платье.

Чу Цы бросил ему одежду. Вэньхай поймал её и молниеносно натянул на плечи — за те несколько секунд, что он простоял полуголым, холодный воздух успел отвесить ему пару чувствительных оплеух.

Юноша велел ученику повторять разминочные движения: махи руками, наклоны, вращения шеей и тазом. Со стороны это до боли напоминало воспитательницу в детском саду, ведущую утреннюю зарядку для малышей.

Чжан Вэньхай послушно выполнял эти странные упражнения и спустя некоторое время с удивлением заметил, что мороз перестал казаться таким невыносимым.

— Ладно, пошли во двор.

Чу Цы распахнул дверь. В лицо им ударил ледяной порыв, заставив обоих одновременно вздрогнуть. Однако, не желая терять лицо друг перед другом, они мужественно шагнули за порог.

— В этом деле главное — интуиция. Я не буду разжёвывать тебе каждое движение. Просто смотри на меня и повторяй. Со временем тело само всё запомнит, главное — точно копировать повадки зверей.

В своё время старик, обучавший Чу Цы, точно так же просто выполнял комплекс, не обращая внимания на ученика.

— Слушаюсь, — отозвался Вэньхай, снова начиная нервничать.

Юноша встал в центр двора. Его движения были плавными и текучими, словно горный ручей, — на него было приятно смотреть. Чжан Вэньхай поначалу походил на неуклюжего ребёнка, который только учится ходить, но постепенно он словно уловил внутреннюю суть упражнений, и его жесты становились всё увереннее и точнее...

За завтраком Вэньхай всё ещё пребывал в радостном возбуждении. Он сказал Чу Цы:

— Брат Чу, завтра я снова приду к тебе. Обязательно научи меня продолжению этой гимнастики. Я чувствую, как после неё по всему телу разливается необыкновенная лёгкость.

«Ты что, бессмертным решил стать?» — Чу Цы мысленно закатил глаза.

На самом деле всё было просто: Чжан Вэньхай обычно вёл сидячий образ жизни, а сегодня впервые за долгое время получил разумную физическую нагрузку, размяв застоявшиеся мышцы, отсюда и чувство бодрости.

Закончив с трапезой, они отправились в кабинет.

Чу Цы заглянул в свой план обучения и обнаружил, что пришло время заняться «Цзючжан» — математикой. Для древних книжников точные науки казались чем-то невероятно сложным. К счастью, экзаменационные задачи были довольно простыми — юноша пролистал свои знания и понял, что их уровень не превышает программы пятого-шестого класса современной начальной школы.

— Брат Чжан, помнишь ли ты таблицу умножения «девять-девять»?

— Помню. Отец когда-то учил меня, но я уже много лет не повторял её, — признался Вэньхай.

До того как у семьи Чжан появилась возможность выставить своего кандидата на экзамены, отец готовил сына в торговцы. Позже, уже в академии, Вэньхаю приходилось тратить всё время на классику, в которой он отставал от сверстников, так что на счёт времени не оставалось. Хотя на уездном экзамене и встречались задачи по математике, они обычно были стандартными: достаточно было зазубрить примеры, которые давал учитель.

— Хорошо. Сейчас я напишу несколько примеров, а ты реши их.

Чу Цы набросал на бумаге двадцать задач на устный счёт и передал лист другу. Чжан Вэньхай взял его и с самым серьёзным видом принялся бормотать под нос таблицу. Он использовал старую систему «Сяоцзюцзюбя»: начинал с «девятью девять — восемьдесят один» и спускался до «дважды два — четыре». Решив один пример, он записывал ответ и переходил к следующему, повторяя весь цикл заново.

«Похоже, в это время математику и впрямь не жалуют»

Кроме узких специалистов, большинство учёных имели лишь смутное представление о цифрах. В прежние времена математика и вовсе не входила в программу государственных экзаменов. Её ввёл Великий Предок нынешней династии, чем вызвал немало стонов среди книжников: «Одна задача по математике губит труды половины моей жизни!» — сокрушались они.

Однако спустя годы люди оценили пользу счёта. Если раньше ловкий счетовод мог обвести вокруг пальца любого сановника, то теперь каждый грамотный человек изучал основы по трудам «Цзючжан», «Уцао» или «Сунь-цзы». Поскольку «Девять глав» были самыми популярными, в народе все математические задачи на экзаменах стали называть общим именем — Цзючжан.

Пока Чжан Вэньхай корпел над примерами, Чу Цы по памяти записал современную полную таблицу умножения. В таком виде она была куда логичнее и проще для запоминания. В конце концов, в его мире даже второклассники знали её назубок.

Когда Вэньхай с трудом закончил и передал лист, Чу Цы лишь скользнул по нему взглядом и тут же размашисто нарисовал красной тушью большую галочку, отложив бумагу в сторону.

— Брат Чу... ты, кажется, ещё не проверил? — не удержался от замечания Вэньхай.

— Уже проверил. Всё верно, молодец, — Чу Цы решил, что друг напрашивается на похвалу, и не поспешил на доброе слово.

— Но ты ведь только взглянул... — Вэньхай совсем сник. В очередной раз он ощутил бездонную пропасть, разделяющую обычного человека и гения.

— Хочешь знать, почему я так быстро это сделал? — Чу Цы приподнял бровь.

— Прошу тебя, брат Чу, не откажи в наставлении.

— Всё просто. Прочти вот это десять раз, потом десять раз повтори по памяти, — он протянул другу лист с новой таблицей.

Чжан Вэньхай взял бумагу и принялся раскачиваться из стороны в сторону, заучивая строки. Поначалу ему было непривычно: вариант Чу Цы шёл в обратном порядке по сравнению с тем, к чему он привык. Будет ли в этом толк?

Слушая бубнёж друга, Чу Цы принялся листать книги. Чтобы его сборник задач принёс хорошую прибыль, его нужно выпустить как можно скорее. Уездный экзамен назначен на двенадцатое февраля, а сегодня уже двадцатое ноября.

Древнее книгопечатание сильно уступало современному в скорости, так что рукопись должна оказаться в мастерской за два месяца до начала экзаменов. Только тогда он успеет сорвать куш, пока у кандидатов ещё будет время на подготовку.

Значит, у него осталось около двадцати дней. Нужно составить побольше базовых вопросов по «Тецзин» и «Мои», математику сделать попроще, но для поддержания престижа автора вставить пару-тройку по-настоящему заковыристых задач. Для поэтической части нужно собрать побольше рифм, а темы для сочинений подобрать так, чтобы они касались текущих событий.

«И самое главное — ответы, — напомнил себе Чу Цы. — Сборник без правильных ответов — это плохой сборник»

Но не делать этого было нельзя. Чу Цы очень хотел до начала сезона дождей подлатать семейный дом, а ещё лучше — снести его и отстроить заново. Лачуга была настолько ветхой, что в ней сменилось уже четыре поколения семьи Чу. Её строил ещё дед Чу Цы в годы своей юности, и сейчас называть это жильём было бы явным преувеличением — дом того и гляди мог рухнуть.

Из памяти прежнего владельца тела юноша знал, что в сезон дождей с потолка лило так, что по всему дому приходилось расставлять миски и тазы. А когда небо прояснялось, отец Чу и старший брат Чу Гуан лезли на крышу, чтобы замазать дыры соломой и глиной. Этой защиты хватало на пару дней, а потом дожди снова брали своё, и в доме вновь начинала звучать «капельная симфония».

Недавно, будучи дома, Чу Цы слышал от стариков, что следующий год будет ещё более дождливым. Если оставить всё как есть, здание может просто смыть.

Да и земли нужно было прикупить. На одних подработках Чу Гуана семью не прокормить. Даже если он зарабатывал копейку, в доме на всём экономили, откладывая каждую монету на учёбу младшего брата. Пару дней назад юноша заметил, что мешок с белым рисом, который он привозил в прошлый раз, стоит почти нетронутым, зато кадка с грубым просом опустела наполовину. Покупной белый рис был для них слишком дорог, они не смели его есть. Но если бы у них было своё поле, они, быть может, стали бы чуточку щедрее к самим себе.

Му (около 6 соток) заливного поля стоил около двенадцати лянов. На юге желающих выращивать рис было хоть отбавляй, поэтому такие земли разлетались мгновенно — спрос превышал предложение. За хороший участок могли затребовать и все четырнадцать лянов. Суходольные поля были дешевле — около десяти лянов за му.

Чу Цы думал было купить целину и распахать её самому, но в этих краях, среди лесов и гор, каждый мало-мальски пригодный клочок земли уже давно был возделан. Оставались разве что склоны гор. Но почва там бедная, удобрять её трудно, да и дикое зверьё не дремлет: стоит что-то посеять, как налетят лесные обитатели и всё выкопают.

«Эх, как же всё-таки хлопотно жить! — вздохнул Чу Цы. — Стоит только начать думать — и проблемы обступают со всех сторон! Недаром говорят: „В мире нет дел, суетный человек сам их создаёт“. Но в конце концов, в этом мире куда больше простых обывателей, чем мудрецов...»

Он тряхнул головой, отгоняя лишние мысли, и сосредоточился на составлении задач.

Тем временем Чжан Вэньхай, усердно зубривший таблицу, услышал вздох друга. Чувствительная натура Вэньхая тут же подсказала ему:

«Брат Чу недоволен моей медлительностью!»

И он невольно прибавил скорости.

Всё-таки Вэньхай был взрослым человеком, и после множества повторений он смог сдать проверку без запинок. Видя такие успехи, Чу Цы достал чистый лист и написал прикладную задачу. На уездном экзамене их обычно было три, и правильное решение двух из них гарантировало зачёт.

Задача гласила:

«Есть два отрока: одного зовут Сяо Мин, другого — Сяо Ган. Сяо Мин ходок искусный, делает сто шагов за раз, Сяо Ган же в ходьбе не столь проворен — лишь шестьдесят. Коли Сяо Ган выйдет раньше и успеет пройти сто шагов, а Сяо Мин бросится вослед, то через сколько шагов

он его настигнет?»

Конечно, использование имён Сяо Мин и Сяо Ган было маленькой шалостью со стороны Чу Цы. Эти двое веками истязали школьников в его мире, теперь пришла пора и древним книжникам ощутить их «очарование».

Получив задание, Чжан Вэньхай выложил перед собой чистый лист и принялся рисовать на нём длинные ряды коротких вертикальных чёрточек, обозначая шаги, и при этом что-то тихо бормотал, ведя счёт.

Чу Цы случайно бросил взгляд на его работу и не смог сдержать улыбки. Что ж, для того, кто не знает формул, самый примитивный метод порой оказывается самым верным.

<http://bllate.org/book/15354/1420224>